Чердак

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Марта Геер

18+

Марта Геер
Чердак

https://litres.ru/75009988
SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого человека есть чердак. И, возможно, кто-то на нём живёт.

Обитателей чердака не спрашивают, что они думают о своём создателе, устройстве мира и положении дел.

Но что, если однажды обитатель заговорит? Какую роль он играет в жизни хозяина чердака?

Чем дольше они соседствуют, тем сильнее стирается грань между ними. Возникает конфликт. И одному из них придётся покинуть чердак

Содержание

Глава 1. Пустой 4
Глава 2. Друг 13
Глава 3. Защитник 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Марта Геер
Чердак

Глава 1. Пустой

Я точно не знаю своей природы. Знаю лишь, что у меня много имен, и все они отражают правду обо мне. То место, из которого я пришел, — оттуда приходят еще похожие на меня. Мы называем себя пустыми. Я вижу их каждый день, куда бы я ни шел.

***

Большую часть своей жизни я был сторонним наблюдателем. Когда она играла со своей собакой или качалась на качелях. Когда пряталась в ванне от отца или бежала в объятия к матери, я был с ней рядом и наблюдал. Она очень долго не замечала моего присутствия, хотя сама меня пригласила. Я прозвал ее пташкой. Она напоминала мне птенца, который выпал из гнезда и кричит в надежде, что кто-то поможет ему вернуться или улететь подальше от земли и опасности, которую она несет.

Я наблюдал за ее отчаянными попытками сбежать всю ее жизнь. Например, когда она была маленькой, улетала в другие миры с помощью своего богатого воображения. Ей нра-

вилась египетская мифология. Пташка хотела верить, что она, как и главная героиня из фильма «Мумия» с Бренданом Фрейзером, является реинкарнацией древнеегипетской принцессы Нефертити.

Сначала мне нравилась эта игра. Там она становилась большой и сильной, давала отпор врагам. Руководила империей и была любима. В ее мире не было зла, похожего на людское. Зло расценивалось только как потустороннее и не способное зародиться в человеке.

Чаще всего она убегала в школе. Например, когда оставалась на продленке, пока все дети играли друг с другом на школьном дворе, Пташка уходила от всех подальше в самый дальний угол двора, искала там что-то необычное, например, деревья, что выбиваются из общей массы или дырки в заборе. Либо вычерчивала мелом на асфальте круги, чтобы создать невидимый портал, в который можно с легкостью прыгнуть и оказаться в новой реальности, пока кто-то не выдергивал ее оттуда.

Ее игры все же закончились. Пташка по своей наивной детской глупости рассказала о своих способностях другим детям и пригласила их с собой в путешествие.

Дети подыграли ей, чтобы застать врасплох. Собрали несколько классов, зажали пташку в угол и требовали показать свои магические способности всем. Конечно, убедившись, что способностей нет, ребятишки закидали ее палками и камнями.

***

Я пришел на чердак в момент, когда отец бил ее кулаками по лицу. У нее образовался провал в памяти, а я просто оказался рядом в этот момент. Я не понимал, на что смотрю. Я просто был там.

Той же ночью, лежа в своей кровати лицом к стенке, как ей наказал отец, Пташка заметила не меня, но место, откуда я пришел. Она испытала такое же чувство, которое появляется, когда находишься посреди океана один и всматриваешься в его бездну. Что-то очень таинственное притягивает тебя, как магнит, чтобы нырнуть под воду и открыть глаза, но животный страх останавливает, и ты продолжаешь находиться в неведении.

Пташка не решалась нырнуть. Она просто садилась рядом с этой пустотой и вопрошала: что такое вселенная? Бог? Душа? Космос? У нее были тысячи вопросов, и ни на один она не находила ответов. У меня их тоже не было.

С пташкой было очень трудно. Прожив с ней достаточное количество времени и наблюдая за другими, я понял, что она отличается от большинства. Детям ее возраста было положено заводить друзей, играть в игры, заниматься учебой, но ей все это претило. Она хотела быть со всеми, но у нее не получалось. Внутреннее чутье подсказывало мне, что я должен ей как-то помочь, но для начала нужно было сделать так, чтоб она меня заметила. Тогда я начал пробовать звать ее в те самые минуты, когда она уходила к бездне. Я начинал с

шепота, боясь спугнуть, но вскоре понял, что это не работает. Постепенно от тихого голоса я дошел до крика. Я кричал все громче и громче, пока наконец-то не загорелся свет.

— Пташка.

…

— Ох! Заметила?!

…

— Не бойся, я, если честно, сам в шоке…

…

— Я друг. Пожалуйста, только не убегай от меня, я хочу помочь.

…

— Ладно, слушай, посмотри направо, там зеркало. Видишь меня?

…

— Вау! Я себя тоже вижу. Это чертовски круто! Хотя ты, наверное, в ужасе, понимаю.

…

— Ладно. Давай так. Ты ко мне привыкнешь, я не буду тебя больше пугать. Если что, я рядом. Ты всегда можешь меня позвать. Я тут тихонечко посижу, и если тебе понадобится моя помощь, я здесь.

…

Поразительно. У меня наконец-то получилось. Кажется,

я ее сильно напугал и сделал только хуже. Теперь она подумает, что сошла с ума. Черт! Наверное, стоило помалкивать и попробовать как-то по-другому… Нужно попробовать ей как-то помочь, не вызывая подозрения санитаров. Ладно, попробуем снова шепотом, может, если так не орать, она не будет пугаться. Попробую жужжать на фоне.

Пташка не рассказала о нашей встрече никому. Я понял, что она все-таки меня слышит. Когда я ее звал или пытался ей на что-то указать, загорался свет, он мог быть непостоянным и сверкать с треском, как лампочка, но так я осознал, что контакт найден. Даже если я просто маячу на фоне, как назойливая муха. Я очень переживал, что могу нарушить нашу связь, и был осторожен.

***

Пока Пташка меня не замечала или игнорировала, я без дела не сидел. Оказалось, что вокруг нее много следов Пустых, я ощущал их, чувствовал присутствие и слышал. Мы общаемся через радиоволны. Я слышал, что нечто похожее существует среди морских зверей — электрорецепция. Только наша коммуникация немного сложнее. Мы так же, как и морские обитатели, передаем друг другу знания об опасности, ориентируемся в пространстве, считываем любые изменения внешнего энергетического поля и, конечно, находим добычу.

Увидеть Пустых мне пока не удавалось, а вот слышу я их всегда и везде. Я стараюсь обрабатывать каждую волну

в ближайшем радиусе. Чем больше я слушал и запоминал, тем сильнее я становился. Чужие волны помогали мне понять правила и устройство этого мира.

Так, обработав большой поток информации в ближайшем доступе, я понял, что люди используют разные виды осознанного отстранения от… чего угодно. Это как раз то, что делала Пташка уже в столь юном возрасте. Правда, на тот момент я узнал не так много способов: еда, музыка, алкоголь, сигареты, наркотики, секс. Из всего перечисленного нам доступна была только еда. Сомневаюсь, что кто-то бы продал такой малышке ангельскую пыль. Хотя…

Сладости оказались идеальным вариантом. Как странно, что люди ведут борьбу против алкоголя, сигарет и наркотиков, а сахар обходят стороной. Сладкое — гениальный и быстро доступный источник дофамина. А какое к нему привыкание? Пташка быстро втянулась. Я бы хотел послушать историю сахарокартеля. Например: Пабло Эскобар купается в бассейне из сока, а вместо пены — сахарная вата. Пышные грудастые девушки окружают его и падают ниц перед ним, а в подвале его дома Рональд Макдональд выбивает все дерьмо из стукача и предателя, который слил властям местонахождение тростниковой плантации.

Правда, как оказалось, это лекарство несло побочные эффекты, и мой птенчик начал пухнуть. В итоге я себе работы не убавил, а добавил.

***

Наша с пташкой связь стала крепнуть. Хоть на прямой контакт мы больше не выходили, но она часто прислушивалась к моему шепоту, а иногда отмахивалась от меня, как от назойливой мухи, и просила заткнуться. Обидненько, конечно, было. Наблюдая за ней с Чердака, мне казалось, что я смотрю на футбольный матч, где команда, за которую я болею, все время проигрывает, но их отчаянно продолжают звать на игру.

У нас на чердаке был радиоприемник, через него мне удавалось иногда связываться с другими пустыми, либо перехватывать их сигналы. Как-то раз я получил сигналы бедствия, когда Пташка была на учебе в школе. Кажется, там был какой-то пустой, как и я, новичок, совсем «зеленый». Он буквально разрывал линию своими сигналами, так- что притянул к себе слишком много внимания. Возможно, его действия были верными, он искал помощи.

Как вы поведете себя, если будете в океане одни, а ваш спасательный круг начал потихоньку сдуваться? Где-то далеко за горизонтом виднеется полоска суши, там, возможно, есть люди, они могут помочь. У вас из вспомогательных средств только сдувающийся круг и фонарик. Можно начать усиленно грести и надеяться, что, когда силы покинут вас, круг не потеряет весь воздух, и вы сможете отдохнуть, перед следующим рывком. Либо можно отчаянно посылать сигналы бедствия фонариком, в надежде, что кто-то увидит этот свет. Но, вы в океане. Место, полное морских обитате-

лей, что не прочь поживится такой интересной приманкой и единственным, чье внимание вы действительно привлекли – являются хищные рыбы, прямо у вас под ногами. Что выберете? Грести или пойти на корм рыбам? Тот юнец сделал неверный выбор.

Оказалось, нашему виду свойственен каннибализм. Я с ужасом наблюдал, как другие Пустые разрывают его на части. По кусочку, смакуя и упиваясь, словно пьют молодильный нектар. Из малыша высосали всю энергию и силы. Каждый, кто участвовал в совместной трапезе, увеличился в размерах, как живот человека после съеденного арбуза.

Поняв, что к чему, я осознал, что точно не собираюсь становиться наживкой. Проблема заключалась в том, что Пташка была жертвой. И здесь у нас возникал внутренний конфликт.

Наблюдая за другими, я понял, что Пустые выживают только в группах. Одиночкам здесь места нет. Нам нужно было найти какое-то решение, звать на помощь, как оказалось, не лучшее из них. Разговоры с Пташкой не увенчались успехом, чаще всего она меня игнорировала либо делала все наоборот. Нам было нужно найти место, где нас примут. Где будет безопасно нам обоим. Мне это было нужно. Место, где меня не разорвут на части, а пташку не изобьют в ближайшей подворотне по пути из школы.

Я оказался запертым на чердаке совсем один. Сидя там, в полной темноте с одним лишь радиоприемником, что дре-

безжал и шипел без устали. Ощущая на себе неприятное магнетическое чувство. Словно что-то позади меня пытается затянуть обратно. Чем дольше я сидел и ничего не делал, тем сильнее это чувство становилось. Чувство надвигающейся смерти. Лишь иногда сверкала лампочка, издавая мерзкий, неприятный трескающийся звук.

Глава 2. Друг

Пташке удалось установить контакт с парой девочек. Без моей помощи, конечно, не обошлось: я буквально нашептывал ей каждый день о необходимости связи со своим видом. Они были местной элитой, их Пустые были уже взрослыми сформированными особями. Рядом с такими я чувствовал себя мелюзгой.

Девочки пригласили пташку в свою компанию, она состояла из молодых человеческих особей, бессознательного возраста. Она наблюдала за ними. Смотрела со стороны, как ребята пробуют алкоголь, сигареты. Как парни забивали друг другу стрелки. Бьют друг друга, пока толпа кричит «давай! Бей его!», а девочки слащаво визжат «Ваадим».

Почему Вадим?

Не знаю. Так прозаичнее.

Пташка кривила лицо от всего, что видела. Я просил не отводить глаза. Не знаю, что ее так пугало. Я так понял, что распитие и употребление — удел сильнейших. Мы видели это и дома, и на улице. Кажется, так люди становились податливее. Тогда я еще не понимал, так как был слишком неопытен, но со временем и сам дошел до этого. Можно было расти не только на каннибализме, но и на человеческих слабостях, и больше энергии давали те, что превращали человека

в зверя.

***

Вскоре на нашем чердаке начало добавляться удобств и предметов. Например, у пташки появился личный телевизор. Она приходила смотреть свои любимые кассеты. Правда, меня она все также игнорировала, да я и сам, если честно, не высовывался.

Единственным, что я мог для нее делать, это подготавливать кассеты заранее, записывая на них свои послания для нее. Она смотрела их довольно часто. На тот момент это было нашим единственным способом взаимодействия.

Обычно дело было так: Пташка приходила в минуты тишины или отчаяния. Она садилась перед телевизором, на котором никогда нет сигнала, и от него все время исходили неприятные звуки, похожие на ультразвук. Брала кассету, что лежала рядом с телевизором, которую я заранее подготавливал для нее. Вставляла мизинец в правое отверстие и медленно прокручивала ленту против часовой стрелки. Дойдя до конца, она вставляла кассету в магнитофон, нажимала на кнопку запуска и принималась смотреть кино, которое уже видела тысячу раз, пока ее кто-то не позовет.

***

Прошло какое-то время, и Мы смогли сдвинуться с мертвой точки. Сколько именно прошло дней, месяцев или лет, я не знаю. У меня были большие трудности в подсчетах. Там, откуда я родом, времени нет, и, к сожалению, разобрать-

ся в нем я так и не смог. Пташка начала вливаться в группы сверстников и пытаться понравиться им. Делала она это неумело и с легкой долей отвращения к самой себе, хотя сама еще не понимала, почему.

Видя, как мальчики и девочки выказывают друг другу межвидовой интерес, я тихонечко намекал, что ей нужно то же самое. Ребятишки выглядели счастливыми, их глаза светились, когда они обменивались слюнями, прячась за гаражами или в подъездах, а после раскуривали одну сигарету на двоих, держа ее сломанными палочками, словно суши. Их щеки краснели от стеснения, но они чувствовали себя взрослыми, крутыми и значимыми. Нам тоже такое было нужно, по-моему, скромному мнению.

Пташка попробовала сблизиться с местным маленьким Аленом Делоном. После игры на детской площадке в «Стоп Земля» они пошли в ближайший подъезд. Там голубоглазый блондин с конопушками и ангельским лицом достал газированный, сладкий напиток с головокружительным эффектом и дал попробовать пташке. Она, естественно, как всегда, скривила лицо, но проглотила чудесный нектар, а после они вступили в слюнообменный контакт.

Пока Пташка училась целоваться, параллельно она также пыталась понять, что должна чувствовать: червяки в животе, мурашки по коже, подкашивания ног. Ничего этого не было. Вместо погружения в процесс и возможность быть здесь и сейчас она то и дело куда-то убегала и опять задавала свои

дурацкие вопросы: А глаза должны быть открыты или закрыты? А мои руки должны быть у него на плечах или на талии? А сколько это должно длиться по времени? А мы уже можем закончить? И параллельно пыталась повторять механические действия: то выставляя вперед зубы, то не вовремя закрывала рот. Она пыталась двигаться в ритме вальса, но все время наступала партнеру на ноги, точнее, на язык.

После этого ее прозвали «Зубы» и добавили еще один повод для насмешек.

Да. Я идиот.

Не знаю, на что я рассчитывал. Очевидно, я не хотел быть сожранным своими же и не хотел, чтоб сожрали ее… В итоге пришел к тому, от чего убегал. Видимо, не так уж хорошо я понял, как взаимодействовать с другими. Либо во время перехвата чужих радиоволн, я нарвался на дилетантов.

В любом случае, только наивный глупец бы поверил, что Пташка справится с такой задачей. Финишем стала попытка сблизиться со своими новыми друзьями через раскуривание местной трубки мира. Как-то раз она пришла в подъезд пятиэтажного панельного дома, в котором всегда собирались ее друзья после школы. Я не предлагал ей туда идти, но и не сдерживал, делая ставки на «авось прокатит». Это было ее решением, вызванным детским интересом.

У нее не было способов связи, как в обозримом будущем. Каждый просто знал место и время. Не нужно было звонить и спрашивать, точно ли твой друг придет на место встречи.

Не прийти было нельзя. Тебя ждут, и все.

Открыв входную дверь подъезда, в нос сразу ударил запах клея. На лестничном пролете первого этажа сидят ребята. Мальчики и девочки. У них бледные лица и бредовые ухмылки. Пташка застыла на входе. Я наблюдал. Один из парней позвал ее:

— Эй, Зубы. Не стой в дверях, а то нас спалят. Давай садись к нам.

И протянул ей надутый полиэтиленовый пакет, обозначающий ту самую трубку мира. Пташка не думала ни секунды. Развернулась, закрыла дверь и ушла, не оборачиваясь и больше никогда не возвращаясь.

***

Спасибо, что нас не сожрали за проявленную слабость и ни к чему не принудили. Ребята дали четко понять Пташке, что трепаться языком нельзя, такое карается смертью. Единственное, что она умела хорошо делать – это молчать.

Мне пришла новая идея. Точнее, я ее снова подслушал. В один день, когда мы были дома, в гости к родителям Пташки пришли друзья. Взрослые особи обсуждали воровство как способ обогащения и улучшения жизни. Описывая все возможные плюсы и пользу, только дурак не стал бы пользоваться предложенной схемой.

Представьте. Вы сидите в баре, в кругу лиц, которые вызывают у вас уважение и хоть какой-то интерес, они старше вас, а значит, складывается ложное чувство, что они опыт-

нее и мудрее. В этом контексте что они опытнее, — это не ложь, вопрос лишь в том, чем измеряется их опыт и хотите ли вы получить такой же. Если вам больше 30 мирских лет, скорее всего, вы уже обрели способность думать, прежде чем делать. Но если вы еще не успели пройти пубертатный возраст, то вы впитаете в себя то, что вас окружает. Итак, вам 30, вы слушаете опыт старших, который излагает, что обман, воровство и даже убийство может быть оправдано, если послужит на пользу другим. Например, вот вам. Так как вам все еще 30, вы знакомы с законами своей страны, знаете, чем карается непослушание, и готовы нести ответственность за свои действия, а даже если нет, все равно понесете – то вы, возможно, подумаете, прежде чем соглашаться. Но если вам нет даже 10 — это выбор без выбора.

Пташка видела, что дети, которые имели больше зеленых бумажек, чем все остальные, обладали авторитетом и любовью. Если это можно было так назвать. Проблема заключалась в том, что у нее этих бумажек было очень мало и зачастую ей не хватало их самой. Но… Есть же и другой путь. Я слышал, как все в ее окружении воруют. Деньги, вещи, еду, время, идеи. Кажется, это было абсолютно естественное поведение для людей. Видела, как ее отец лазил в сумку к матери тайком, и уже понимала, что надо делать.

Пташка начала учиться воровству и даже, на мое удивление, оказалась очень хороша в этом деле. Она могла по праву получить звание Пташка Золотая Ручка. Она видела, как

отец лазил в сумку к матери тайком, пока та была в душе или спала. Когда он это делал, то смотрел на пташку и улыбался ей, подмигивая и поднося указательный палец к губам. Молчание всегда вознаграждалось, и пташке перепадал процент с краденного.

Каждую ночь Пташка приходила ко мне на чердак и включала своей неработающий телевизор. Я подготавливал для нее кассеты, на которые заранее записывал новый сюжет для нашего будущего. Она смотрела фильмы, где была в главных ролях. У нее было много друзей, и все ее любили. Для этого нужно было всего лишь немного зеленых бумажек. Пташка светилась от счастья, когда смотрела мои кассеты. В ней просыпался тот самый, настоящий звериный инстинкт, а я чувствовал, как удовлетворение.

Кажется, Пташке тоже понравился новый вид дофамина, который был заправлен адреналиновой помпой из тех образов, что она видела перед собой. Перед «делом» она испытывала мощный выплеск адреналина, который разбегался по всему телу, как тысячи иголок, вызывая прилив пота, страсти, ярости и энергии. Мурашки разбегались по всему телу. Оставалось только взять да сделать.

Ночью, медленно опуская ноги с кровати на пол и вставая на цыпочки, она кралась к коридору по скрипящему полу. Звук скрипа перебивал громкий храп отца, что было нам на руку. Мы двигались в такт с ним. Шаг за шагом, подкрадываясь все ближе к своей цели, Пташка наполнялась страхом,

в ней рождались сомнения, появлялись новые противоречивые мысли, отчего ее шаг замедлялся, руки начинали дрожать, а дыхание сбивалось. Я вытаскивал ее из очередного забвения и снова включал кассеты, чтобы она могла видеть будущее и идти за ним. Добравшись до шкафа, она тянулась на мысочках к крючку, на котором висела мамина сумка, а рядом с ней висел ремень отца. В темноте было видно только его стальную бляшку — серебристую и гладкую, она ловила свет фонаря, что пробивался сквозь окно на кухне.

Аккуратно просовывая руку вглубь сумки, она нащупывала кошелек. Красный, с золотой заклепкой и имитацией кожи змеи. Кошелек не закрывался до конца из-за небрежно напиханных в него купюр, словно корзина для белья. Пташка выбирала парочку самых аккуратных и красивых, доставала и быстро убирала под резинку от штанов на бедрах. Закончив дело, уже быстрым шагом она перебиралась к кровати из-за страха быть пойманной. Быстро забиралась под одеяло, вытаскивала деньги и засовывала их в угол между матрасом и кроватью. Туда же она прятала фантики от конфет. Еще очень долго ее сердце продолжало бешено биться, но этот звериный инстинкт наполнял ее, как и меня.

План-капкан сработал. Пташка покупала на краденые деньги своим новым друзьям сладости, оплачивала чужие счета в школьной столовой. Дворовую компанию водила в местную пиццерию. У нее появилась толпа поклонников, даже среди тех ребят из подъезда. Никто больше не обращался

к ней по кличке, все знали ее имя. Все хотели с ней дружить. Пташка была в эпицентре внимания, и со временем это стало проблемой. Естественно, ее родители довольно скоро обнаружили пропажу изрядной суммы. Пташка не осознавала их ценности, каким трудом достается каждая купюра, поэтому брала с лихвой.

Одним вечером ее поймали, посадили в центр комнаты на стул и начали допрашивать. Врать Пташка не умела совсем. Она быстро раскололась и призналась во всем. Захлебываясь слюнями и соплями, которые она размазывала рукавами по лицу, пока ее отчитывали, в ней зародилось первое сомнение. Ее мама задала вопрос: «Откуда это у тебя? Тебя никто этому не учил! В кого ты такая?»

Тогда Пташка посмотрела впервые на маму с непониманием. Она наконец увидела несостыковку. Пусть и ненадолго, но зерно было посеяно. А я с интересом наблюдал. На нерушимой стене из наивной детской святой любви к матери появилась трещина. Дело в том, что Пташка обладала каким-то странным даром. Она тоже, как и я, чувствовала Пустых поблизости. Не видела их, не слышала, не понимала, но чувствовала, и когда она встречалась с ними, то отстранялась и держалась на безопасной дистанции… Так было со всеми, кроме ее мамы. Она никогда не видела в ней те, но тот, кто там сидел, был, пожалуй, одним из сильнейших, кого я смог повстречать на своем веку.

После Пташка простояла всю ночь в коридоре на коленях

на гречке. Это было альтернативой ремню отца. Она сидела на коленях в том коридоре в ночи, переминаясь с ноги на ногу и боясь сменить позу. Ей велено было сидеть всю ночь. Пташка смотрела на маму из коридора, которая лежала на диване и мирно спала, и не понимала, как та это допустила. Когда пташку бил отец, ее никогда рядом не было. Но в тот момент она там была. Все видела и спокойно спала. А мы нет. Она продолжала прокручивать мысли в голове: «В кого ты такая?»

После того случая мама не разговаривала с ней около месяца. Пташка была истощена морально от вечных терзаний самой себя, ей казалось, она больше не заслуживает материнской любви, и даже часто говорила: «Лучше бы меня тогда избили». Она снова погрузилась в себя.

Тогда впервые она подсела на совсем другие кассеты. Не те, что приносили ей мандраж, радость, легкое приятное волнение, а те, что вызывали в ней перманентное чувство боли, которое она проживала снова, и снова, и снова. Эти кассеты записывал ей не я. Она сама их делала. Словно новый вид наркотика, который она изобрела сама себе. Только без наркоторговцев, нарушения закона и криминала. Изменения сознания в реальном времени, без использования химических веществ. Она снова и снова проматывала пленку и прокручивала кассеты: воровство, отец, ремень, мама, кулаки, издевки. Меня сильно беспокоила эта картина. Такими темпами она бы точно нас угробила, и я снова должен был искать

новый выход.

***

Пташка познакомилась с одной девочкой, которая тоже не была похожа на всех остальных. От нее почти не веяло пустым, никаких волн я не перехватывал. Но она почему-то была стойкой. Ее голос никогда не дрожал. Взгляд всегда был тяжелым и сканирующим. Никто не хотел ее как-то задевать. Ее улыбка всегда выражала легкую насмешку. Люди боялись ее, но не Пташка. Я не чувствовал, чем от нее можно было питаться. Чему можно было учиться. По какой-то странной причине она приметила Пташку и пустила в свой мир. Ее мир состоял из онлайн-форумов, видеоигр и японских мультфильмов. Это было что-то новенькое и, пожалуй, революционное в жизни пташки. Виртуальная реальность — оплот безопасности, где ты можешь быть кем хочешь, при этом оставаясь собой.

Пташка приходила в гости к своей новой подруге каждый день и училась. Впервые учился чему-то не я, а она. Подруга показала ей, как играть в плейстейшн, геймбой, компьютерные игры. Девочка научила пташку общаться на форумах и заводить друзей в сети. У нее было так много всего, и ей совсем не жалко было с нами этим делиться. Я чувствовал какую-то скрытую угрозу, но все шло слишком хорошо.

Пташка полностью погрузилась в свою новую реальность, из которой никто не пытался ее выдергивать, даже я. Ее родители тоже были довольны, видя, как ребенок живет в об-

нимку с компьютером и не создает лишних проблем. Пташка стала реже приходить на чердак. С одной стороны, я был рад, а с другой — не очень. Я плутал среди потемков, холодный, голодный и злой. Подслушивать новые идеи было не у кого, так как Пташка все время находилась в сети. Телевизор начал пылиться, как и кассеты, бережно сложенные на тумбочке и подготовленные для нее. Пташка все свое свободное время посвящала играм, форумам, аниме и общению со своим новым реальным другом. Мне впервые стало тоскливо.

По прошествии какого-то долгого времени я понял, почему не видел в ее подруге Пустого. Возможно, он там когда-то был, так же, как и я, но от него ничего не осталось, потому что виртуальный мир поглотил ее полностью. Я понял это, так как начал уменьшаться в размерах. Пустота снова тянула меня магнитом обратно. Словно создатель решил все переиграть. Ужаснее всего было то, что я сам позволил этому случиться своим бездействием. Телевизор перестал работать. Радио совсем барахлило. А Пташка стала копией своей новой подруги. Я должен был что-то делать, пока она не заколотила крышку гроба.

В пташке тоже появилась эта стойкость и этот взгляд. Если кто-то подшучивал над ее внешним видом или тем, чем она занимается, ее это никак не задевало. Она знала, что в сети ждут ее новые друзья, там она может иметь любой образ и внешний вид, а дома ждет огромная дискография не просмотренных аниме. Через эту стену, казалось, не пробиться

никому. Кроме как ее стойкой подруге.

Девчонка начала расширять круг знакомств среди похожих доходяг. В их унылом дуэте появилось еще несколько человек. Так называемые аутсайдеры, которым все нипочем. Их мир — это виртуальная броня, как внутренняя, так и внешняя. Они собирались в аутсайдерские кружочки и воображали себя персонажами любимых мультфильмов, играли в них, становились ими.

А ведь мы такое уже проходили.

Вот и еще одна трещина. Пташка впервые забеспокоилась. Она вспомнила, как уже переживала подобный опыт. Она не хотела ни с кем делить свою единственную подругу и пускать кого-то в свой мир, это было небезопасно. Новые участники начали привносить то, что пташке совсем не понравилось. Они пошатнули ее представления новыми идеями, которые вызывали скорее панику, чем радость. Я был рад, что Пташка наконец-то осознала, к чему все идет.

Ее подруга перестала быть похожей на себя. С лица пропала улыбка, из глаз — искра, а броня осыпалась, и осталась лишь безнадега. Девчонка провалилась в фэнтезийный мир, напрочь исчезнув из настоящего. Она называла себя мужским именем, говорила о себе в мужском роде, так как представляла себя героем из мультфильма. Ее взгляд был таким же, как у тех людей, что лежат в психушке, полностью отражая свою пустоту через глаза.

Пташка испугалась. Ее мир снова рухнул. Она увидела

свое будущее в Пустых глазах подруги и снова закрыл еще одну дверь.

Дверь подъезда. Дверь мамы. Дверь школы. Дверь подруги. Они появлялись и довольно быстро закрывались. Единственная дверь на нашем чердаке, которая была всегда открыта, — это дверь к пустоте. Пташка не закрывала ее, а сам я не мог, хотя очень хотел. Она всегда давала о себе знать, то расширяясь в пространстве и увеличиваясь в размерах, то притягивая меня к себе, то издавая странные и неприятные звуки. Я бы очень хотела закрыть эту чертову дверь. Но пока все, что мне удавалось, — это раскладывать кассеты и слушать чужие разговоры.

Глава 3. Защитник

Пташка была слишком ведомой и падкой на идеи о сказочных мирах, где летают единороги и какают бабочками. Так как реально любви ей получить нигде не удавалось, она легко принимала на веру идеи о том, что есть некое существо, которое любит всех. Даже таких аутсайдеров, как она. Будучи еще совсем юной, она решила выучить все молитвы наизусть, ходила на службу в Божий дом и мечтала исповедаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.